

Этнографические исследования славянской проблематики в чешских землях военного периода

Петр Лозовиук

Западночешский университет,
Пльзень, Чехия

Ethnographic Studies of Slavic Problems in the Czech Lands of the War Period

Petr Lozoviuk

University of West Bohemia,
Plzeň, Czech Republic

Резюме

В результате Мюнхенского соглашения и последующего распада остаточной Чехословакии в 1938–1939 гг. в чешских землях возникла совершенно новая политическая и государственно-правовая ситуация, которая оказала влияние и на местную этнографическую деятельность. До недавнего времени в чешской академической среде преобладало мнение о том, что закрытие чешских университетов с 1939 г. означало прекращение практически всей этнографической деятельности на территории чешских земель. Однако это утверждение справедливо лишь в ограниченной степени и, если включить деятельность чешско-немецких коллег в отечественную этнографическую традицию, то картина радикально меняется. Целью данной статьи является изложение тематических и методологических аспектов этнографических исследований, проводившихся в военное время в так называемом Протекторате Богемии и Моравии, на основе анализа отношения этнографов к тогдашним «славянским исследованиям». Особое внимание

Цитирование: *Лозовиук П.* Этнографические исследования славянской проблематики в чешских землях военного периода // *Slověne*. 2025. Т. 14, № 1. С. 277–299.

Citation: *Lozoviuk P.* (2025) Ethnographic Studies of Slavic Problems in the Czech Lands of the War Period. *Slověne*, Vol. 14, № 1, p. 277–299.

DOI: 10.31168/2305-6754.2025.1.08

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International

уделяется двум выдающимся личностям судето-немецкой этнографии того времени — Бруно Ширу и Йозефу Ханике.

Ключевые слова

Чешские земли, этнография, славяноведение

Abstract

As a result of the Munich Agreement and the subsequent dissolution of the residual Czechoslovakia, a completely new political and state-legal situation emerged in the Czech lands in 1938–1939, which also had an impact on local ethnographic activities. Until recently, the prevailing view in Czech academia was that the closure of the Czech universities from 1939 meant that virtually all ethnographic activities in the Czech lands had ceased. However, this assertion is true only to a limited extent and, if the activities of Czech-German colleagues are included in the domestic ethnographic tradition, the picture changes radically. The aim of this article is to present thematic and methodological aspects of wartime ethnographic research in the so-called Protectorate of Bohemia and Moravia, based on an analysis of the relation of ethnography to the then “Slavic studies”. The article devotes particular attention to two prominent figures in the field of Sudeten-German ethnography at the time, namely Bruno Schier and Josef Hanika.

Keywords

Czech lands, ethnography, Slavic studies

В результате Мюнхенского соглашения и последующего распада остаточной Чехословакии в 1938–1939 гг. в чешских землях возникла совершенно новая политическая и государственно-правовая ситуация, которая оказала влияние и на местную этнографическую деятельность. До недавнего времени в чешской академической среде преобладало мнение о том, что закрытие чешских университетов¹ с 1939 г. означало прекращение практически всей этнографической деятельности на территории чешских земель². Однако это утверждение справедливо лишь в ограниченной степени и, если включить деятельность чешско-немецких коллег в отечественную этнографическую традицию Чехии, то картина радикально меняется³. Целью данной статьи является изложение тематических и методологических аспектов тогдашнего понимания этнографии, проводившейся в рамках так называемых «славянских исследований» в Протекторате Богемии и Моравии.

¹ Чешские высшие учебные заведения были закрыты после студенческих демонстраций против нацистского режима осенью 1939 г.

² Чешская дискуссия о форме этнографической деятельности во время Второй мировой войны была инициирована текстами Бланки Соукуповой, ср., например: [Soukupová 2014; 2016; 2018].

³ К истории чешско-немецкой этнографии этого периода, ср. например: [Šisler 1984; 1991; Lozoviuk 2008; Drápala 2020].

Этнографические учреждения в Протекторате Богемии и Моравии

В новых политических условиях большинство немецких этнографических институтов, находившихся в Протекторате, претерпели ряд изменений. Некоторые из них были постепенно закрыты, другие подверглись трансформации, а в отдельных случаях были созданы даже полностью новые учреждения. В этом контексте следует обратить особое внимание на трансформацию Карлова университета, создание Фонда Рейнхарда-Гейдриха и основание Судетско-немецкого института по изучению государства и народа, расположенного в городе Либерец. Все вышеупомянутые учреждения были взаимосвязаны как в институциональном плане, так и в плане их тематической направленности, методологической и идеологической базы, а также кадрового обеспечения. Однако развитие и социальный рост престижа этнографической науки в этот период компенсировались ее сильной идеологизацией и политической инструментализацией.

В относительно краткие сроки после образования протектората Богемии и Моравии в марте 1939 г. пражский Немецкий университет был преобразован в так называемый университет Рейха. Формально это было осуществлено после утверждения декрета от 2 августа 1939 г. «Преобразование» пражского Немецкого университета в университет Рейха означало, помимо прочего, переформатирование многих видов научной деятельности, как исследовательской, так и преподавательской. Примечательно, что эти новые академические кафедры должны были уделять особое внимание этнографически ориентированным исследованиям, даже если они обычно были междисциплинарными. Особое внимание уделялось так называемому чешскому вопросу, который рассматривался в более широком контексте как проблема «регерманизации» чешских земель. Прага, как место расположения старейшего «немецкого университета и интеллектуального зенита немецкого восточного фронта», должна была стать центром научной работы для региона юго-восточной Европы и проживающего там населения [Roth 1997: 300]. Эти политически мотивированные изменения в функционировании университета также инициировали структурные изменения, которые проявились в преобразовании ряда существующих институтов и кафедр в новые учреждения и даже в создании совершенно новых институтов. Научные центры реформированного Карлова университета должны были развиваться в тесной взаимосвязи с вновь созданными научно-исследовательскими институтами, которые создавались вне академической среды.

Здесь в первую очередь следует упомянуть «центральное научное учреждение национал-социалистического режима в Протекторате

Богемии и Моравии» [Němec 2011: 85]: Фонд Рейнхарда-Гейдриха — Фонд Рейха для научных исследований в Праге (*Reinhard-Heydrich Stiftung — Reichsstiftung für wissenschaftliche Forschung in Prag*), каково было его полное официальное название. Фонд был основан в июле 1942 г., но его учреждения (первоначально восемь, с 1944 г. — девять) начали работать только в мае следующего года. Судетско-немецкий институт по изучению государства и народа (*Sudetendeutsche Anstalt für Landes- und Volksforschung*) был еще одним важным неакадемическим ведомством, в котором культивировались этнографические исследования. Формально это учреждение стало продолжением Судето-немецкого института краеведческого исследования (*Anstalt für sudetendeutsche Heimatforschung*), который был основан еще в межвоенный период в 1924 г. (подробнее см.: [Лозовюк 2020: 1170]).

В качестве штаб-квартиры этой организации был выбран северочешский Либерец, служивший важным городским центром чешских немцев, который должен был стать альтернативой (чешской) Праге. Центральное положение чешской столицы для академического и научного сообщества судетских немцев неоднократно подвергалось сомнению со стороны немецко-националистических кругов уже в период существования межвоенной Чехословакии [Míšková 2002: 21]. Деятельность Судето-немецкого института краеведческого исследования, как и многих других учреждений в Судетах, была прекращена в 1938 г.⁴, после чего год спустя была создана организация-преемник в совершенно новых политических условиях и с измененной направленностью исследований.

Согласно собственному уставу, реорганизованный институт был задуман как учреждение, которое сосредоточится на исследованиях «земли и народа» Судетской области и, таким образом, будет «поощрять и развивать в плановом порядке научную работу в Рейхсгау⁵ Судетенланд» [SOAL, кар. 17]. Однако вскоре направленность деятельности института была распространена на всю территорию чешских земель, а в число сотрудничающих учреждений, помимо административного аппарата Судетской области и Протектората, вошли, в частности, Пражский университет и, после его создания, Фонд Рейнхарда-Гейдриха. Также

---

⁴ После взятия под контроль судето-немецких учреждений нацистами, в рамках «глейхшальтизации» было прекращено издательство судето-немецкого этнографического журнала (*Sudetendeutschen Zeitschrift für Volkskunde*), вместо которого в 1939 г. начал выходить довольно идеологически ориентированный журнал «Deutsche Volksforschung in Böhmen und Mähren». Публикация либерецкого журнала «Karpathenland» также была окончена.

⁵ Рейхсгау — административная единица Третьего рейха, созданная на вновь присоединенных к Германской империи территориях.

осуществлялось развитие сотрудничества с некоторыми учреждениями Рейха и с академическими институтами за рубежом, такими как Карпато-немецкий институт краеведческого исследования в Кежмароке (*Institut für Heimatforschung der Slowakeideutschen*). В штаб-квартире в Либереце, кроме собственной специализированной библиотеки, был создан архив судетских немцев и архив изображений, в котором хранились визуальные документы, особенно относящиеся к народным одежде и искусству [Ibid.]. Филиал для геологических исследований был расположен во Фридек-Мистеке, а специальное этнографическое рабочее место было основано в Хебе, где в 1940 г. был открыт новый этнографический музей. В самом Либереце в 1942 г. было создано политически ориентированное обособленное рабочее место [Míšková 2002: 116].

«Культурный атлас Судетских земель»
в контексте «славянских исследований»

Внутренняя структура Института включала в себя десять экспертных комиссий, в которые в первой половине 1940-х гг. входили 176 действительных и 138 чрезвычайных членов [Weger 2008: 687]. Каждая комиссия могла состоять максимум из двадцати пяти действительных членов, в то время как число членов-докладчиков было неограниченным. Среди этнографически ориентированных комиссий можно отметить следующие: «Комиссия по исследованию простора и почвы» (*Kommission für Raum- und Bodenforschung*), «Комиссия по расовым и генеалогическим исследованиям» (*Kommission für Rassen- und Sippenforschung*) и «Комиссия по исследованиям в области расселения и языка» (*Kommission für Siedlungs- und Sprachforschung*). Две другие комиссии, «Комиссия по славянским исследованиям» (*Kommission für Slawenkunde*) и «Этнографическая комиссия» (*Kommission für Volkskunde*), занимали совершенно особое положение в плане тематизации этнографических вопросов.

Среди постоянных членов последней упомянутой комиссии был ряд ведущих судето-немецких этнографов, таких как Бруно Шир, Йозеф Ханика, Густав Юнгбауэр, Альфред Карасек, Вальтер Кун или Эмиль Леманн. На первом этапе своего существования деятельность Комиссии была сосредоточена на следующих областях исследований: изучение народной архитектуры, включая «исследования домов» (*Hausforschung*), изучение традиционной одежды, народных песен, народных представлений, народных обычаев и традиций, народного искусства и народного права. По всем этим отраслям народной культуры необходимо было собрать этнографические источники и провести дальнейшие углубленные исследования [SOAL, kar. 17]. Кроме того, Этнографическая комиссия должна была провести подготовительную

работу для широко задуманного проекта, который получил рабочее название «Культурный атлас Судетских земель». Планировалось, что атлас станет «внушительным памятником немецких культурных достижений в Богемии, Моравии и Силезии», а также послужит «очень важной отправной точкой для работы политического руководства» [Ibid.]. Предполагаемое этнографическое исследование должно было в конечном итоге привести к публикации научного сочинения, в котором на 60 картах будет задокументирован вклад немецкой культуры в формирование «Судетской земли» [Josefovičová 2014: 21], как в этот период немецкая сторона уже часто называла чешские земли.

Атласный проект, упоминаемый с самого начала существования института как «наиважнейший» среди всех других исследовательских проектов, должен был стать его главной «визитной карточкой». О значении, придаваемом ему, свидетельствует, в частности, тот факт, что его реализация должна была осуществляться в сотрудничестве с другими комиссиями Института и рядом других внешних учреждений⁶. Ведущей фигурой в запланированной работе над атласом, несомненно, был Бруно Шир, который также был назначен главой Этнографической комиссии. Уроженец небольшого северочешского города Врхлаби, прославившийся особенно своими культурно-морфологическими исследованиями, Шир принадлежал в то время к самым интернационально известным судето-немецким этнографам.

Свое университетское образование он начал в области лингвистики, германистики и истории в Мюнхене и продолжил его в Немецком университете в Праге. Здесь он также изучал английский язык, славистику и вспомогательные исторические науки. 22 июня 1926 г. в Праге ему была присвоена степень доктора философии. В следующем году он занял должность ассистента в вышеупомянутом «Судето-немецком институте краеведческого исследования»⁷. Оттуда в 1927 г. Бруно Шир перешел в качестве ассистента в «Семинар немецкой филологии» при Немецком университете в Праге, где проработал до 1934 г. В 1929 г. Шир смог осуществить учебную поездку в Лейпцигский университет. Там он ознакомился с культурной морфологией и географией, что повлияло на его последующие работы, в частности, на исследование сельской жизни и способов ведения сельского хозяйства. Во время учебы в Немецком университете в Праге он посвятил себя не только диалектологическим и лингвистическим проблемам многоязычной Богемии, но и культурно-географическим исследованиям материальной культуры в Центральной Европе.

⁶ Это были институты пражского университета и Фонд Рейха под названием «Nord- und Ostdeutsche Forschungsgemeinschaft».

⁷ Биографические данные Бруно Ширы взяты из АУКР — фонд Schier Bruno 1922–1937.

По мнению Ши́ра, довоенная Чехословакия с ее значительной протяженностью с востока на запад была прекрасным объектом для культурно-географического изучения европейского «противоречия между Востоком и Западом». Сначала он попытался разобрать этот феномен на примере домостроения и предметов домашнего быта в Судетской области. Из изменений культурных форм он постарался определить «этнические течения» и, наконец, «германо-славянские культурные пересечения». Кульминацией исследований Ши́ра стала диссертационная работа «Бытовые ландшафты и культурные движения в восточной части Центральной Европы» [Schier 1932], с которой он в Праге к концу 1931 г. защитил хабилитацию по предметам древнегерманский язык, немецкая этнография и археология. Культурно-морфологический подход, которому Ши́р остался верен в последующие годы, проявился уже в этой диссертации. Ши́р считал, что этнографическое изучение дома, его форм и принадлежностей дает ему право утверждать, что в отношении домостроения «западногерманская культура» «завоевала» почти весь западнославянский и самую северную часть южнославянского региона. По мнению Ши́ра, центральноевропейско-германское «пересечение» можно наблюдать особенно ярко во всей восточной части Центральной Европы.

Исходя из этого, задачу этнографических исследований он видел в изучении «культурного развития всего восточногерманско-западнославянского пограничного региона», а их методологическая основа, по мнению Ши́ра, должна быть основана на «сочетании культурной географии и культурной истории» [Schier 1932: 8]. Поэтому он хотел рассматривать этнографию как «культурологию», как современную науку, способную предложить «разработку центральноевропейско-германских и восточноевропейско-славянских базовых форм» [Schier 1932: 9]. В «Бытовых ландшафтах» уже содержались многие из более поздних взглядов Ши́ра на германо-славянские культурные пересечения, которые ему предстояло развить — кроме других работ — также и в своих исследованиях в Словакии.

Поскольку диссертация Ши́ра была очень хорошо принята на международном уровне, 1 мая 1934 г. он был назначен на новую кафедру «Немецкой этнографии и классических наук» в Лейпцигском университете, а в 1939 г. стал там ординарным профессором. Одновременно на политической карте Центральной Европы в течение этого года произошли значительные изменения. После отделения Словакии от чешских земель и последующего провозглашения независимости фашистского «Словацкого государства» большинство чешских профессоров и преподавателей были вынуждены покинуть Братиславский университет.

Эта практика была применена и к этнографическому семинару, который был основан здесь двадцать лет назад основоположником чешской академической этнографии Карелом Хотеком. Это создало сложную ситуацию для словацкой университетской этнографии. Из-за нехватки квалифицированных академиков дальнейшее существование этой дисциплины в качестве университетского предмета оказалось под серьезной угрозой.

Выход из этой ситуации был найден благодаря тому, что университеты Лейпцига и Братиславы стали «университетами-побратимами» в начале 1940-х гг. на основании немецко-словацкого соглашения. На основе этого сотрудничества было возможно сделать взаимовыгодное приглашение Ши́ра в Братиславу, ведь и он сам лично был очень заинтересован в деятельности в Словакии. Сначала Шир был приглашенным профессором немецкой филологии и этнографии в течение четырех семестров. Указом президента Словацкой Республики от 27 января 1943 г. Шир был назначен ординарным профессором этнографии ретроактивно с 1 октября 1942 г. [AFFUKB, Shier]. В течение всей войны Шир был единственным академиком, которому было разрешено читать лекции и экзаменовывать студентов по этнографии.

Свою вступительную лекцию в Братиславе он прочел 15 января 1941 г. перед знаменитой аудиторией, в которую входили ведущие представители словацкого академического сообщества, а также высшие политики недавно созданного фашистского словацкого государства [Ibid.]. В рамках этнографического семинара в военные годы (он работал там до начала 1945 г.) Шир прочитал ряд классически ориентированных этнографических курсов. Здесь же он сформулировал первую рабочую концепцию для создания словацкого этнографического атласа, который был опубликован много лет спустя, в 1990 г.⁸ Помимо работы в университете, Шир вместе со своими студентами совершил множество этнографических экспедиций по всей Словакии.

Один из центральных вопросов словацких исследований Бруно Ши́ра был сосредоточен на специфике словацкой народной культуры и ее значении для центральноевропейского контекста. В этом смысле его интересовала культурно-морфологическая структура страны с целью определения происхождения, направления и назначения отдельных «культурных потоков». Шир считал Словакию страной в центре, как в пространственном, так и культурном смысле, с «чрезвычайно ценным с научной точки зрения переходным характером» [Schier 1943: 229]. Кроме того, западную Словакию он рассматривал как «зону взаимопроникновения Запада и Востока», в которой «все этнографические явления

⁸ Более подробно о работе Б. Ши́ра в Словакии см.: [Lozoviuk 2004].

Запада были подвержены влиянию Востока, а все этнографические характеристики Востока — процессу вестернизации» [Schier 1943: 256].

Националистические взгляды Ши́ра особенно ярко проявлялись в связи с его попытками доказать, что новые культурные явления в этой стране — не венгерские и не словацкие, а немецкие в их первоизданном виде [Schier 1943: 249]. В основном он был заинтересован в «выявлении немецких культурных форм в словацком народе» и таким образом продемонстрировать «немецкое проникновение» в страну. Шир причислял Словакию к тем странам, в которых немецкое культурное влияние «доминировало на переднем плане» [Ibid.]. Он был даже убежден, что некоторые старые немецкие культурные элементы лучше сохранились в словацкой среде, чем на родине [Schier 1943: 257]. По этой причине «многие словацкие культурные явления [...] приобретают ценность исторических памятников, которые рассказывают нам о старых этапах развития немецкой культуры или о германо-славянском противостоянии» [Ibid.]. Историческое измерение его подхода было направлено на выявление «культурных слоев» в разных временных эпохах. В словацкой народной культуре Шир различал доиндогерманские⁹, индогерманские и старославянско-восточноевропейские культурные элементы, к которым добавлялись средневековые и современные культурные инновации Запада. Распространение окцидентальных «культурных форм» в Словакии он связывал, в первую очередь, с немецким влиянием.

Кроме того, следует добавить, что интерпретация словацкой традиционной культуры привела Ши́ра к безоговорочному убеждению, что словаки — это не ветвь чехословацкой нации, а самостоятельный народ с равными правами среди других народов Восточно-Центральной Европы, с высокоразвитой народной культурой, собственной историей и письменностью. Приводя аргументы в пользу германской основы словацкой культуры и одновременно релятивизируя ее славянский характер, он пришел, казалось бы, к логичному заключению о том, что словацкая нация является частью центрально-европейского культурного пространства и уже несколько столетий интегрирована в западный культурный мир [Schier 1962: 62]. Подобный взгляд на словацкую «национальную личность» не был само собой разумеющимся в годы первой Чехословацкой республики (1918–1938) и в целом не принимался. Чехословацкое национальное единство в то время воспринималось как аксиома многими чешскими и большинством словацких культурных деятелей вплоть до 1939 г.

В годы войны во время своей деятельности в Судетско-немецком институте на чешских землях Шир занимал практически те же теоре-

⁹ Доиндоевропейские в современной терминологии.

тические и методологические позиции, что и во время работы в Словакии¹⁰. Здесь он также пытался примирить этнографическое исследование с политическим порядком того времени. Его общепризнанный научный авторитет позволил ему стать ведущим голосом в формулировании новых задач этнографических исследований, щедро поддерживаемых политическим руководством того времени. Свои идеи о новом направлении развития этнографии в «новых политических условиях» чешских земель, возникших после марта 1939 г., Шир изложил в лекции, прочитанной им 14 октября 1940 г. по случаю открытия Этнографической комиссии вышеупомянутого Либерецкого института. Шир представил здесь свою концепцию «Культурного атласа Судетских земель», который рассматривал как вклад в «культурную и политическую работу времени борьбы» (*Kampfzeit*) [SOAL, kar. 17]¹¹ и считал ее «предварительной кульминацией и подведением итогов» этнографической работы в «Судетенланде» [Schier 1941: 371]. По мнению Шири, этнография должна была стремиться к выявлению «особенностей» (судето-) немецкого народа и специфики его культуры. Он утверждал, что их можно «наилучшим образом вывести из органических субрайонов народной жизни», которые должны быть структурированы и изучены как «сумма материальных и духовных жизненных проявлений» [Schier 1941: 369].

Однако к этому постулату, уже известному из предыдущей этнографической практики, было добавлено требование, чтобы этнографические исследования судетских немцев также включали «внутренние регионы Богемии и Моравии, пронизанные немецкими культурными формами». «Без такого подхода», заключил Шир, «научное рассмотрение многих вопросов абсолютно невозможно». В этом позднее опубликованном обращении Шир прямо сформулировал постулат о том, что этнография судетских немцев должна стремиться «продемонстрировать тесную связь чешского населения (*Tschechentum*) с немецкой культурой» [Schier 1941: 371]. Именно на представление чешских земель как немецкой «культурной почвы» (*Kulturboden*) и был нацелен «крайне необходимый» проект атласа. Его «иллюстративные карты» должны были «ясно показать, что не только вся Богемия и Моравия представляют собой немецкую культурную почву, но и что представители чешской нации должны — с точки зрения народной культуры — рассматриваться как часть соседних немецких племен» [Schier 1941: 371].

Хотя проект атласа был назван «самой срочной задачей», к октябрю 1942 г. не была начата даже подготовительная работа [SOAL, kar. 17].

¹⁰ О деятельности Шири в Словакии подробнее см. [Lozoviuk 2004].

¹¹ Имеется в виду период Первой Чехословацкой Республики, см.: [SOAL, kar. 17].

И уже позднее сбор материала на местах затруднялся рядом объективных проблем, пока в конце 1944 г. не прекратился совсем. Помимо общих трудностей разного рода, вызванных войной, свою роль сыграло и общее финансовое положение Института, которое отнюдь не было идеальным¹². Теоретическая помощь в осуществлении намеченной германизации чешского населения ожидалась также от представителей Комиссии по славянским исследованиям, в состав которой входили ведущие судето-немецкие слависты, в основном профессионально связанные со Славянской семинарией при Пражском университете. Среди этих университетских преподавателей можно отменить, например, славистов Ойгена Риппеля, Эдмунда Шнеевайса, Фердинанда Ливера, а также этносоциолога Ойгена Лемберга. Однако руководство этой комиссией было возложено на главу гауамтслейтера, так называемого гаугренцландамта Франца Кюнцеля, заместителем которого был славист и историк литературы Конрад Биттнер [SOAL, kar. 17].

В сотрудничестве с другими отделами Либерецкого института члены этой комиссии планировали проводить разносторонние исследования, направленные на сравнительное изучение славянских народов с акцентом на чешские земли. Особое внимание предполагалось уделять языковым, «расовым», историческим, фольклорным и «ментальным» аспектам чешского населения, чтобы структурировать его на более мелкие «племенные» единицы с целью «разделения чешской нации на племенные компоненты» [Ibid.]. Кроме того, в духе идеологии того времени, немецко-славянские отношения должны были быть представлены с особым учетом «западно-восточного культурного градиента» (*westöstliche Kulturgefälle*). Особое внимание должно было быть уделено исследованию двух избранных чешских «племен» — западночешских ходов и моравских ганаков¹³.

Помимо «славянских исследований» (*slawenkundliche Forschung*), запланированных и частично проведенных членами и сотрудниками Славянской комиссии, «германо-славянским отношениям», как уже упоминалось выше, отводилось место и в рамках Этнографической комиссии. При решении этих и многих других исследовательских задач обе комиссии тесно сотрудничали с Фондом Рейнхарда-Гейдриха, с которым они во многих случаях были лично связаны. В частности, это были исследования, которые способствовали легитимизации нацистского режима, конечной целью которого на чешских землях была, по

¹² О финансовых условиях либерецкого института более подробно см. [Lozoviuk 2008: 255].

¹³ Там же. Более подробно о деятельности Комиссии см.: [Josefovičová 2014: 18–19], об отражении чешских «племен» немецкой этнографией военного периода см.: [Lozoviuk 2008; Drápala 2020].

словам государственного секретаря рейхспротектора Карла Германа Франка, «полная германизация пространства и народа» [Bugge 2002: 422]. Национал-социалистическое «окончательное решение» «чешской проблемы» (*Tschechenproblem*) должно было основываться на «инвентаризации расово-этнических отношений» (*Bestandaufnahme der rassisch-völkischen Beziehungen*)¹⁴, которая бы определила, сколько чешских людей способно к германизации¹⁵.

Чешско-немецкое сосуществование
в перспективе тогдашней немецкоязычной этнографии

Помимо «расового родства» чехов и чешских немцев, которое, конечно же, было в центре внимания «социальной антропологии», судето-немецкие этнографы также занимались вопросом о том, в какой степени представители чешской нации проявляют «культурно-цивилизационное» сходство со своими немецкими соседями. Отправной точкой для этой линии рассуждений стали некоторые старые аксиомы чешско-немецкой этнографии (*Volksforschung*), которые должны были получить дальнейшее развитие и теоретическое обоснование во время войны. К ним относились, например, мнение о том, что «немецкость» (*Deutschtum*) глубоко «укоренилась» в чехах [Krebs, Lehmann 1992: 156]. Нахождение «объективного» доказательства немецкой культурной оригинальности имело бы особое значение для дальнейшей политической аргументации, так как позволило бы приравнять запланированную германизацию чехов к так называемой регерманизации и тем самым, по крайней мере частично, легитимизировать ее. Этнографически ориентированное исследование должно было способствовать достижению задуманного «окончательного решения» германской политики в Протекторате путем тематизации нескольких взаимосвязанных проблемных областей.

В центре этих исследований находились «этнические процессы» (*Umvolkungsvorgänge*), в которых демаркация «исчезнувшей немецкости» (*untergegangenes Deutschtum*) стала бы отправной точкой для запланированной регерманизации лиц, которые будут обозначены как лица немецкого происхождения (*deutschstämmig*). Другим направлением этнических исследований было изучение так называемых чешских племенных территорий (*Stammlandschaften*), которое должно было предоставить доказательства того, что «существуют естественные племенные

¹⁴ Ср. речь Гейдриха перед руководителями оккупационных властей Протектората, собравшимися в Праге в Чернинском дворце, см.: [Kármý, Milotová 1991: 98–113].

¹⁵ Расовым исследованиям в чешских землях в период войны посвящены работы Рене Новотного [Novotný 2013; 2021].

и пространственные различия в чешском национальном организме» [Lemberg 1938: 200] и, в то же время, что эти чешские «племена» якобы имеют сходство с соседними немецкими «племенами» [Krebs, Lehmann 1992: 204]. В то же время такой подход позволил обозначить чешские (племенные) районы как «форпосты» соседних немецких «племен». Очевидно, что разделение чешскоязычной территории (*Tschechenland*) в соответствии с культурными и пространственными аспектами в конечном итоге было призвано облегчить германизацию¹⁶.

Важное место занимало также изучение «расового» родства чехов и немцев с позиции так называемого «исследования смешения крови» (*Blutvermischungsforschung*). В его контексте речь шла не только об антропометрических изучениях, но и о том, насколько прямая связь прослеживается между наличием «положительных черт характера» и «количеством немецкой крови» в изучаемом славянском населении. Размышления о чешской «народной культуре» были одной из, казалось бы, традиционных этнографических тем, но с добавлением того, что их уже не скрываемое намерение состояло в демонстрации направления «культурных течений» (*Kulturströmungen*) с запада на восток. В подтексте этой тематизации можно было распознать тенденцию к восприятию чехов как исключительных реципиентов западных (т. е. немецких) культурных ценностей, что позволило обозначить все культурные достижения чешскоязычного населения как заимствования у своих немецких соседей или как локально приукрашенные элементы немецкой культуры.

Такое отношение к чешским культурным реалиям позволило немецкой этнографии того времени интерпретировать чехов как этническую группу, которая не обладает автономной культурой и поэтому проживает на немецкой «культурной почве». Однако к этому утверждению следует добавить, что культура славянских жителей чешских земель интерпретировалась некоторыми судето-немецкими этнографами как вариант (или варианты) немецкой культуры уже в межвоенный период. Ярким примером такого подхода, несомненно, являются тексты Эмиля Леманна¹⁷, который, однако, не принимал участие в академической среде. С точки зрения влияния на направление немецкой этнографии межвоенной Чехословакии, более значимой оказалась деятельность третьего ординарного профессора этнографии Немецкого университета в Праге Йозефа Ханики¹⁸.

---

¹⁶ По вопросу усиления «регионалистских тенденций» среди чешской нации немецкой политикой см.: [Wiedemann 2000: 21].

¹⁷ О жизни и творчестве этого этнографа см.: [Lozoviuk 2008].

¹⁸ О спорах Ханики с чешскими этнографами подробнее см.: [Лозовиук 2015b].

В 1929 году Ханика, уроженец западной Чехии и один из самых важных представителей немецкой этнографии межвоенной Чехословакии¹⁹, опубликовал в только что основанном «Судето-немецком этнографическом журнале» (*Sudetendeutsche Zeitschrift für Volkskunde*) относительно обширную статью, в которой охватил тематику национального костюма западной Чехии. Главной темой его публикации стала полемика с чешскими этнографами касательно интерпретации этнической принадлежности в то время еще сохранившейся в быту традиционной одежды. Особое внимание было посвящено анализу суждений Ладислава Лабека, основателя и многолетнего руководителя Этнографического музея в чешском городе Пльзень и его сестры Марии Лабковой, наравне с братом посвятившей свою деятельность этнографии западночешского региона. Ханика критиковал обоих чешских авторов за их интерпретацию западночешских народных костюмов местных немцев, чье сходство они трактовали либо как пример культурного заимствования, перенятого у славянских соседей, либо как историческое свидетельство германизации изначально славянских жителей региона.

Значительная часть этой якобы научной дискуссии вращалась вокруг споров о явном формальном сходстве между народной одеждой немецкоязычных жителей западночешского региона Хотешов и традиционной одеждой чехов из области Ходско. Ханика прежде всего стремился опровергнуть гипотезу чешских ученых, согласно которой хотешовский национальный костюм был перенят от чешских ходов, подобно тому как и отрицал другое мнение чешских этнографов относительно тезиса, что жителей Хотешова следует считать германизованными славянами.

Чешские же ученые, напротив, стремились продемонстрировать, что предполагаемая славянская одежда жителей Хотешова доказывает лишь поверхностную германизацию западных чехов, так как ими был предположительно усвоен только язык, а не «народная культура», и в дальнейшем сохранившая славянский характер. По мнению чешских этнографов, хотешовский национальный костюм являлся однозначным доказательством, свидетельствующим о том, что весь Пльзеньский край, вместе с областями немецкоязычного населения, демонстрирует славянское происхождение и славянский характер культуры. Некоторые чешские этнографы были даже убеждены в том, что первоначальная форма славянской народной одежды в немецких регионах западной Чехии сохранилась лучше, чем в чешских областях [Lábková 1929: 4].

Ханика в своей работе задавался вопросом, почему же и некоторые этнографы из Германии приписывают национальным костюмам

¹⁹ О значимости Ханики для немецкой этнологии см.: [Lozoviuk 2008; Лозовюк 2020].

западночешских немцев славянский характер. Теоретическое содействие в поиске ответа на этот вопрос ему оказала популярная на то время теория «опустившихся культурных ценностей» (*gesunkenes Kulturgut*), созданная немецким этнографом Гансом Науманом [Naumann 1922], которая, по его мнению, оказалась особенно уместной для интерпретации практики ношения одежды в чешских землях [Hanika 1929: 15]. Предполагаемые славянские элементы в чешско-немецких национальных костюмах он считал остатками «примитивного» способа ношения одежды и лишал их какого-либо этнического своеобразия [Hanika 1929: 11]. Поэтому, по мнению Ханики, формальное сходство между национальными костюмами немецкоязычного и чешскоязычного населения западной Чехии не должно объясняться принадлежностью местных немцев к чешской культуре, а должно рассматриваться как доказательство того, что оба варианта национального наряда базировались на единой, общей западноевропейской манере одеваться, сформированной под влиянием городской среды [Hanika 1929: 52]. Исходя из этого, Ханика критиковал не только своих чешских коллег, но и этнографов из Германии, имеющих склонность объяснять спорные культурные элементы судетонемецких областей, т. е. не имеющих параллелей в народной культуре немецкого запада, славянским происхождением.

Помимо критики чешских экспертов Ханика приступил к разработке собственных тезисов, собранных под общим знаменателем культурно-исторического анализа западночешских народных костюмов с точки зрения общеевропейской перспективы. В результате своих исследований он пришел к выводу, что национальные костюмы чешских немцев невозможно охарактеризовать как «славянские», так как представляется возможным доказать их взаимосвязанность с западноевропейскими и среднеевропейскими модными стилями [Hanika 1929: 118]. Вместо этого вполне допустимо обозначить их как «немецкие», а точнее «судето-немецкие», потому что их носители идентифицируют себя как судетские немцы. Окончательные решения об этнической классификации определенного национального костюма (так же как и о других культурных артефактах) следует выносить с учетом подобных внешних факторов, так как «те или иные составляющие элементы костюма возможно найти и в другом месте, что свидетельствует лишь об их культурно-географическом распространении, но никак не об этническом характере (*völkische Eigenart*). Согласно этой трактовке один и тот же элемент национального костюма может быть принят либо за немецкий, либо за славянский в зависимости от того, на каком языке говорят носящие его люди» [Hanika 1929: 119].

В вышеупомянутой работе Ханика еще так явно не проявлял свою националистскую позицию относительно интерпретации западночеш-

ской народной культуры, но уже сформулировал некоторые пронемецкие аргументы, например, подчеркивая тот факт, что многие чешские диалектные выражения, используемые для обозначения разных элементов народного костюма, являются заимствованиями из немецкого языка. На основе этого утверждения он заключал, «что это не эгерлендеры²⁰ переняли славянские народные костюмы, а наоборот — это чешские костюмы [...] происходили из неславянских [...] немецко-германских образцов» [Hanika 1929: 63]. Подобным образом он отрицал присущую тому времени позицию чешских коллег, согласно которой в жилах жителей некоторых немецких областей западной Чехии «течет славянская доля крови» [Lábek 1931: 165].

Его изначальная, скорее сдержанная позиция в отношении национальной принадлежности чешских (богемских) культурных форм, постепенно сменилась мнением, что чешская этническая область (*tschechischer Volksboden*) однозначно принадлежит к немецкой культурной области (*deutscher Kulturboden*) [Hanika 1942: 1]. Эту точку зрения он развил в своих более поздних работах, которые посвятил чешским реалиям, прежде всего этнографической группе ходов. Но крайне националистическая позиция у Ханики проявилась лишь в первой половине 40-х гг., когда под влиянием распространяемых в то время расовых теорий он уже совершенно открыто заявлял, что в чешских деревнях Ходска живет «до семидесяти, а местами и больше, процентов населения немецкого происхождения» (*deutschstämmige Bevölkerung*) [Hanika 1941: 237, 240]. Такую высокую долю «биологических» немцев в чешской популяции он объяснял частыми межэтническими браками и миграцией из расположенной неподалеку Баварии [Hanika 1941: 239]. Хотя он и признавал языковую ассимиляцию большинства немецких мигрантов по причине проживания в ходской среде, однако был твердо убежден, что, несмотря на это, сохранилась «нетронутая (германская) расовая субстанция», продолжавшая оказывать влияние на формирование местной народной культуры.

Такие рассуждения заключали в себе и «научно» обосновали идею о том, что большинство лиц данной области, относившие себя к чешской национальности, свою «настоящую» (т. е. берущую начало на расовой основе) этническую принадлежность как будто не знают. И по этой причине представляется возможным утверждать об их «возвращении» в лоно коренной нации, т. е. о регулируемой регерманизации. Упомянутые выше этнографические исследования, проведенные

---

²⁰ В немецком оригинале *Egerländer*; речь идет об обозначении региональной и этнографической группы немецкоговорящего населения самой западной части Чехии (*Egerland*).

в Протекторате в военный период, были направлены уже не только на моральное оправдание и политическую легитимизацию так называемой регерманизации в местных условиях, но и на германизацию чехов в общенациональном масштабе.

Однако подчеркивание германских корней славянской народной культуры чешских земель содержало в себе важный аспект, который не совсем вписывался в ортодоксальную нацистскую концепцию нового порядка в Центральной Европе. Неявно, но и недвусмысленно сформулировал его в своей — с другой стороны — крайне идеологической работе военного времени Ханика: «Маленькая чешская нация не может жить в изоляции, она зависит от своих больших немецких соседей. Но также она может гордиться своими собственными ценностями, которые могут быть полезны даже ее большому соседу» [Hanika 1944: 327]. Помимо далеко идущих уступок национал-социалистической идеологии, исследование «этнического характера» (*völkische Wesensart*) чехов привело судето-немецкую этнографию к выводу, что оба народа, проживающие на чешских землях, имеют общее культурное наследие. По этой причине можно сказать, что чехи являются культурно родственной немцам этнической группой, которая «принадлежит» к Центральной Европе. Даже с «биологической» точки зрения, согласно этим взглядам, нельзя утверждать о значительной разнице между немцами и чехами. Хотя между представителями этих двух наций можно выявить определенные очевидные различия, но они, как утверждал другой судето-немецкий этнолог и антрополог Карл Валентин Мюллер²¹, схожи по своему характеру с различиями, прослеживаемыми между разными немецкими группами — например, между немцами из южной и северной Германии [Müller 1939: 395]²².

Причина вышеупомянутого положения рассматривалась в этнических процессах последних двух столетий. Благодаря этим процессам в «этническом теле» (*Volkskörper*) чехов, как утверждалось, была высокая доля «немецкости», так что около половины всех чехов, по терминологии того времени, по «крови» относились к немецкому происхождению. [Müller 1939: 345]. Результатом такого смешивания двух народов стала языковая чехизация немцев и культурная германизация чехов. Это «этническое смешение» (*Volksmischung*) в конечном счете отразилось и в усвоении чехами немецких особенностей и культурных навыков. Результат упомянутых процессов ассимиляции, согласно Карлу Валентину Мюллеру, также можно было увидеть в физической природе

---

²¹ К деятельности Карла Валентина Мюллера см.: [Лозовиук 2015а: 180–181].

²² По вопросу антропометрических исследований в военный период см. также [Novotný 2013; 2021].

чешских славян: «расовые», а также «духовные» различия между чехами и судетскими немцами не имели никакого значения, и эти два народа можно было считать очень родственными [Müller 1939: 402].

Такая оценка чешско-немецкого сосуществования, однако, не соответствовала взглядам тех ученых, которые были убеждены в присутствии «сильного расового различия» между немцами и чехами. Poleмика судето-немецких ученых с этими убеждениями, прозвучавшими в основном в Рейхе, помогла создать более трезвый взгляд на культурные и «расовые» отношения между чехами и немцами [Müller 1939: 394]. Впоследствии чехи стали рассматриваться как исключение среди славянских народов, поскольку было признано, что «приток немецкой крови» (*Blutzuströme*) способствовал тому, что чехи, уже по существу культурно идентичные немцам, стали с ними и «расово родственной группой» в результате длительных миграционных процессов [Beyer 1942: 4].

Однако политическая подоплека подобных заключений также очевидна. Этнографические исследования Шира, Мюллера, Ханики и других судето-немецких этнографов того времени не ограничивались, казалось бы, невинной диагностикой «природных расовых особенностей» чехов и программно были направлены на определение их «способности к германизации» (*Eindeutschungsfähigkeit*). Главная задача, которую оккупационная политика Третьего рейха ожидала от этнографии, заключалась в установлении количества носителей «немецкой крови», которая «благодаря ошибкам немецкой истории» может быть определена в «иностранной национальности» (т. е. в нашем случае — в чехах)» [Denkschrift 1957: 198]. Фактически многие (если не все) проекты немецкоязычных этнографических исследований, осуществленные в Протекторате, были, таким образом, направлены на идеологически обусловленный результат, состоявший в поддержке национально-политических претензий нацистского режима — германизации богемско-моравского простора [Beyer 1942: 4].

С другой стороны (что в каком-то смысле даже кажется парадоксальным), некоторые достигнутые, в большинстве своем и незаконченные, результаты деятельности судето-немецких этнографов, были направлены на формулирование политически неконформистских позиций. Действительно, заданные во время войны многочисленные тезисы о «расовом» и культурном родстве двух народов, населявших чешские земли, не всегда соответствовали представлениям национал-социалистических планировщиков из Рейха о форме «новой Европы». Согласно предвзятым намерениям сторонников «окончательного» решения «чешского вопроса», для Протектората предусматривалась полная и

окончательная германизация, при этом присутствие коренного славянского населения на этой территории было весьма ограниченным²³.

Судето-немецкие этнографы поддерживали тогдашний режим, по крайней мере большинство из них было готово участвовать в идеологически ангажированных проектах²⁴. Ожидалось, что результаты их исследований будет возможно прямо или косвенно использовать при попытке этнической «реорганизации» Центральной и Восточной Европы. С другой стороны, следует признать, что и в предыдущие периоды этнографы не были застрахованы от соблазна привести свои экспертизы в соответствие с существующими идеологическими доктринами и предоставить их представителям политической власти. Это утверждение в разной степени и при разных обстоятельствах относится как к довоенной судето-немецкой, так и к чешской этнографии.

Исторический парадокс заключается в том, что вопрос об антропологическом и культурном родстве двух этнических групп, населяющих чешские земли, был поднят со всей серьезностью только в военный период, т. е. во время усиления политического и идеологического давления на научную деятельность. Судето-немецкие этнографы заинтересовались своими чешскими соседями только под этим внешним давлением в то время, когда уже невозможно было прийти к ценностно-нейтральному осмыслению изучаемых вопросов.

Сокращенные названия архивов

AFFUKB – Archiv Etnologického ústavu SAV Bratislava (Slovenská republika), fond Osobní spis Prof. Bruno Schier.

AUKP – Archiv University Karlovy Praha (Česká republika), fond Filozofická fakulta Německé university v Praze. Schier Bruno 1922–1937.

SOAL – Státní okresní archiv Liberec (Česká republika), fond Písemná pozůstalost dr. Ericha Gieracha. Dodatky: Úřady, organizace a spolky 1924–1943.

Библиография

Источники

AFFUKB, Schier

AFFUKB, Osobní spis Prof. Bruno Schier

Denkschrift 1957

Denkschrift Himmlers über die Behandlung der Fremdvölkischen im Osten (Mai 1940), Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1958, 2, 194–198.

²³ Ср. речь Гейдриха от 2 октября 1942 г. перед руководителями оккупационных властей протектората в Чернинском дворце в Праге [Kárný, Milotová 1991: 98–113].

²⁴ Как одно из исключений, например, второй ординарный преподаватель немецкой этнографии в пражском Немецком университете Густав Юнгбауэр, который умер уже в октябре 1942 г.

SOAL, kar. 17

SOAL, fond Písemná pozůstalost dr. Ericha Gieracha. Dodatky: Úřady, organizace a spolky 1924–1943, kar. č. 17.

Литература

Лозовиук 2015a

Лозовиук П., Нечешские богемцы как теоретики этничности и национализма. *Этнографическое обозрение*, 2015, 2, 177–198.

——— 2015b

Лозовиук П., “Самые западные славяне” и споры об этнической интерпретации их культуры, *Российские и славянские исследования*, 10, Минск, 2015, 338–350.

——— 2020

Лозовиук П., Между наукой и идеологией. История немецкоязычной этнографии чешских земель, *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*, 2020, 4, 1162–1185.

Beyer 1942

Beyer H. J., Rassische Kräfte in der Umvolkung, *Deutsches Archiv für Landes- und Volksforschung*, 1942, 6, 1–16.

Bugge 2002

Bugge P., „Land und Volk“ – oder: Wo liegt Böhmen?, *Geschichte und Gesellschaft*, 2002, 3, 404–434.

Drápala 2020

Drápala D., Badatelské přesahy německojazyčného národopisu českých zemí třicátých a čtyřicátých let 20. století, *Národopisný věstník*, 2020, 1, 5–29.

Hanika 1929

Hanika J., Die Erforschung der westböhmischen Volkstrachten, *Sudetendeutsche Zeitschrift für Volkskunde*, 1929, 2, 1–5, 51–65, 110–119.

——— 1941

Hanika J., Vom deutschen Anteil am Chodenbauerntum. Eine Forschungsaufgabe, *Oberdorffer K., Schier B., Wostry W., eds., Wissenschaft im Volkstumskampf. Festschrift für Erich Gierach zu seinem 60. Geburtstag*, Reichenberg, 1941, 233–250.

——— 1942

Hanika J., *Der Aufbau der volkskundlichen Kultur im böhmisch-mährischen Raum* [по изд.: Lozoviuk 2008], 377–384.

——— 1944

Hanika J., Volkskundliche Erforschung völkischer Wesensart, *Deutsche Volksforschung in Böhmen und Mähren*, 1944, 3/6, 313–331.

Josefovičová 2014

Josefovičová M., *Německé vědecké instituce v Liberci 1923–1945. Od vlastivědy k nacistickému „bádání o zemi a lidu“*, Praha, 2014.

Kárný, Milotová 1991

Kárný M., Milotová J., eds., *Protektorátní politika Reinharda Heydricha*, Praha, 1991.

Krebs, Lehmann 1992

Krebs H., Lehmann E., *Sudetendeutsche Landeskunde*, Kiel, 1992.

Lábek 1931

Lábek L., O sběratelské praxi národopisné, *Český lid*, 1931, 5, 6–7, 161–166, 196–209.

Lábková 1929

Lábková M., *Lidové kroje v západních Čechách*, Plzeň, 1929.

Lemberg 1938

Lemberg E., Tschechische Stammlandschaften in Böhmen, *Mitteldeutsche Blätter für Volkskunde*, 1938, 13, 199–205.

Lozoviuk 2004

Lozoviuk P., Bruno Schier in der Slowakei. Ein vergessenes Kapitel der Wissenschaftsgeschichte, *Volkskunde in Sachsen*, 2004, 16, 129–154.

——— 2008

Lozoviuk P., *Interethnik im Wissenschaftsprozess. Deutschsprachige Volkskunde in Böhmen und ihre gesellschaftlichen Auswirkungen*, Leipzig, 2008.

Míšková 2002

Míšková A., *Německá [Karlova] univerzita od Mnichova k 9. květnu 1945*, Praha, 2002.

Müller 1939

Müller K. V., Die Bedeutung des deutschen Blutes im Tschechentum I., II., *Archiv für Bevölkerungswissenschaft und Bevölkerungspolitik*, 1939, 9, 325–358, 385–404.

Naumann 1922

Naumann H., *Grundzüge der deutschen Volkskunde*, Leipzig, 1922.

Němec 2011

Němec J., Pražská věda mezi Alfredem Rosenbergem a Reinhardem Heydrichem. K prehistorii Říšské nadace Reinharda Heydricha pro vědecká bádání v Praze, *Studia Historica Brunensia*, 2011, 2, 85–105.

Novotný 2013

Novotný R., Obraz Čechů v německé rasové nauce a nacistické rasové ideologii, *Theatrum historiae*, 2013, 13, 167–219.

——— 2021

Novotný R., *Řešení české otázky: Nacistická rasová politika v Protektorátu Čechy a Morava*, Praha, 2021.

Roth 1997

Roth K. H., Heydrichs Professor. Historiographie des „Volkstums“ und der Massenvernichtungen: Der Fall Hans Joachim Beyer, *Schöttler P., ed., Geschichtsschreibung als Legitimationswissenschaft 1918–1945*, Frankfurt am Mein, 1997, 262–342.

Schier 1932

Schier B., *Hauslandschaften und Kulturbewegungen im östlichen Mitteleuropa*, Reichenberg, 1932.

——— 1941

Schier B., Von Stand und Aufgaben der sudetendeutschen Volkskunde, *Deutsches Archiv für Landes- und Volksforschung*, 1941, 5, 368–371.

——— 1943

Schier B., Aufbau der slowakischen Volkskultur. Eine volkskundliche Skizze, *Deutsches Archiv für Landes- und Volksforschung*, 1943, 7, 227–260.

——— 1962

Schier B., Karl Rhamm (1842–1911). Wegbereiter der volkskundlichen Kulturraumforschung, *Rheinisch-westfälische Zeitschrift für Volkskunde*, 1962, 9, 1–18.

——— 1982

Schier B., Lebenslauf, *West-östliche Kulturverflechtungen in Mitteleuropa. Festgruß zum 80. Geburtstag von Bruno Schier*, Münster, 1982, 9–10.

Soukupová 2014

Soukupová B., Antisemitismus krojovaných kolaborantů v kontextech protektorátní mytologie a propagandy. K aktivitě Národopisné Moravy, *Pálka P., ed., Židé a Morava*, 2014, XX, 132–144.

——— 2014

Soukupová B., K problematice využívání a funkcí obrazu venkova, lidu, lidové kultury a národopisu během II. světové války, *Národopisný věstník*, 2016, 1, 75–97.

——— 2014

Soukupová B., Protektorátní národopisné slavnosti, Národopisná Morava, Antonín Václavík a (ne)schopnost kritické reflexe klíčového úseku dějin našeho oboru (Dodatek k předčasně ukončené diskuzi v Národopisném věstníku), in: B. Soukupová, R. Godula-Weclawowicz, G. E. Karpińska, *Národy – Města – Lidé – Slavnosti*, Praha, 2018, 43–81.

Šisler 1991

Šisler S., Vznik a formování nacistického „slovanského bádání“ v Praze v letech 1940–1943, *Český lid*, 1991, 4, 261–271.

Weger 2008

Weger T., Sudetendeutsche Anstalt für Landes- und Volksforschung Reichenberg, in: I. Haar, M. Fahlbusch, eds., *Handbuch der völkischen Wissenschaften. Personen – Institutionen – Forschungsprogramme – Stiftungen*, München, 2008, 683–688.

Wiedemann 2000

Wiedemann A., *Die Reinhard-Heydrich-Stiftung in Prag [1942–1945]*, Dresden, 2000.

References

- Beyer H. J., Rassische Kräfte in der Umvolkung, *Deutsches Archiv für Landes- und Volksforschung*, 1942, 6, 1–16.
- Bugge P., „Land und Volk“ – oder: Wo liegt Böhmen?, *Geschichte und Gesellschaft*, 2002, 3, 404–434.
- Drápala D., Badatelské přesahy německojazyčného národopisu českých zemí třicátých a čtyřicátých let 20. století, *Národopisný věstník*, 2020, 1, 5–29.
- Hanika J., Die Erforschung der westböhmisches Volkstrachten, *Sudetendeutsche Zeitschrift für Volkskunde*, 1929, 2, 1–5, 51–65, 110–119.
- Hanika J., Vom deutschen Anteil am Chodenbauerntum. Eine Forschungsaufgabe, *Oberdorffer K., Schier B., Wostry W., eds., Wissenschaft im Volkstumskampf. Festschrift für Erich Gierach zu seinem 60. Geburtstag*, Reichenberg, 1941, 233–250.
- Hanika J., Volkskundliche Erforschung völkischer Wesensart, *Deutsche Volksforschung in Böhmen und Mähren*, 1944, 3/6, 313–331.
- Josefovičová M., *Německé vědecké instituce v Liberci 1923–1945. Od vlastivědy k nacistickému „bádání o zemi a lidu“*, Praha, 2014.
- Kárný M., Milotová J., eds., *Protektorátní politika Reinharda Heydricha*, Praha, 1991.
- Krebs H., Lehmann E., *Sudetendeutsche Landeskunde*, Kiel, 1992.
- Lábek L., O sběratelské praxi národopisné, *Český lid*, 1931, 5, 6–7, 161–166, 196–209.
- Lábková M., *Lidové kroje v západních Čechách*, Plzeň, 1929.
- Lemberg E., Tschechische Stammlandschaften in Böhmen, *Mitteldeutsche Blätter für Volkskunde*, 1938, 13, 199–205.
- Lozoviuk P., Bruno Schier in der Slowakei. Ein vergessenes Kapitel der Wissenschaftsgeschichte, *Volkskunde in Sachsen*, 2004, 16, 129–154.
- Lozoviuk P., *Interethnik im Wissenschaftsprozess. Deutschsprachige Volkskunde in Böhmen und ihre gesellschaftlichen Auswirkungen*, Leipzig, 2008.
- Lozoviuk P., Non-Czech Bohemians as Theoreticians of Ethnicity and Nationalism, *Etnografická obozrenie*, 2015, 2, 169–190.
- Lozoviuk P., „The very Western Slavs»“ and the discussion on the interpretation of their ethnic culture, *Rossiiskie i slavianskie issledovaniia*, 10, Minsk, 2015.
- Lozoviuk P., Between Science and Ideology. History of German speaking Ethnography of Czech Lands, *Vestník Sankt-Petersburgskogo Universiteta, Istoriya*, 2020, 4, 1162–1185.
- Míšková A., *Německá [Karlova] univerzita od Mnichova k 9. květnu 1945*, Praha, 2002.
- Müller K. V., Die Bedeutung des deutschen Blutes im Tschechentum I., II., *Archiv für Bevölkerungswissenschaft und Bevölkerungspolitik*, 1939, 9, 325–358, 385–404.
- Němec J., Pražská věda mezi Alfredem Rosenbergem a Reinhardem Heydrichem. K prehistorii Říšské nadace Reinharda Heydricha pro vědecká bádání v Praze, *Studia Historica Brunensia*, 2011, 2, 85–105.
- Novotný R., Obraz Čechů v německé rasové nauce a nacistické rasové ideologii, *Theatrum historiae*, 2013, 13, 167–219.
- Novotný R., *Řešení české otázky: Nacistická rasová politika v Protektorátu Čechy a Morava*, Praha, 2021.

Roth K. H., Heydrichs Professor. Historiographie des „Volkstums“ und der Massenvernichtungen: Der Fall Hans Joachim Beyer, *Schöttler P., ed., Geschichtsschreibung als Legitimationswissenschaft 1918–1945*, Frankfurt am Mein, 1997, 262–342.

Schier B., *Hauslandschaften und Kulturbewegungen im östlichen Mitteleuropa*, Reichenberg, 1932.

Schier B., Von Stand und Aufgaben der sudetendeutschen Volkskunde, *Deutsches Archiv für Landes- und Volksforschung*, 1941, 5, 368–371.

Schier B., Aufbau der slowakischen Volkskultur. Eine volkskundliche Skizze, *Deutsches Archiv für Landes- und Volksforschung*, 1943, 7, 227–260.

Schier B., Karl Rhamm (1842–1911). Wegbereiter der volkskundlichen Kulturraumforschung, *Rheinisch-westfälische Zeitschrift für Volkskunde*, 1962, 9, 1–18.

Schier B., Lebenslauf, *West-östliche Kulturverflechtungen in Mitteleuropa. Festgruß zum 80. Geburtstag von Bruno Schier*, Münster, 1982, 9–10.

Soukupová B., Antisemitismus krojovaných kolaborantů v kontextech protektorátní mytologie a propagandy. K aktivitě Národopisné Moravy, *Pálka P., ed., Židé a Morava*, 2014, XX, 132–144.

Soukupová B., K problematice využívání a funkcí obrazu venkova, lidu, lidové kultury a národopisu během II. světové války, *Národopisný věstník*, 2016, 1, 75–97.

Soukupová B., Protektorátní národopisné slavnosti, Národopisná Morava, Antonín Václavík a (ne)schopnost kritické reflexe klíčového úseku dějin našeho oboru (Dodatek k předčasně ukončené diskuzi v Národopisném věstníku), in: B. Soukupová, R. Godula-Weclawowicz, G. E. Karpińska, *Národy – Města – Lidé – Slavnosti*, Praha, 2018, 43–81.

Šisler S., Vznik a formování nacistického „slovanského bádání“ v Praze v letech 1940–1943, *Český lid*, 1991, 4, 261–271.

Weger T., Sudetendeutsche Anstalt für Landes- und Volksforschung Reichenberg, in: I. Haar, M. Fahlbusch, eds., *Handbuch der völkischen Wissenschaften. Personen – Institutionen – Forschungsprogramme – Stiftungen*, München, 2008, 683–688.

Wiedemann A., *Die Reinhard-Heydrich-Stiftung in Prag [1942–1945]*, Dresden, 2000.

Petr Lozoviuk, PhD, Doc. hab.,
Katedra antropologie
Fakulta filozofická
Západočeská univerzita v Plzni
301 00 Plzeň Sedláčkova 38
Česká republika / Czech Republic
lozoviuk@ff.zcu.cz

Received March 4, 2024